

УДК 943.085.2

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ «ФЮРУНГСГРУППЕН» КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

Т. В. ЕВДОКИМОВА*Волгоградский
государственный
педагогический
университет**e-mail: eva_tan@mail.ru*

Состав элиты Веймарской Германии включал в себя как представителей традиционных «фюрунгсgruppen», так и новой элиты. В статье предлагается анализ условий развития старых «фюрунгсgruppen», которые обусловили ряд особенностей генезиса политической элиты Веймарской Германии. К условиям развития традиционных элитных групп автор относит специфику процесса национального объединения Германии и демократического преобразования общества.

Ключевые слова: политическая элита, Веймарская Германия, «фюрунгсgruppen», кайзеровская Германия, особенности модернизации, национальное объединение, индустриализация, демократизация, специфика, генезис правящей политической элиты Германии.

Правящая политическая элита Веймарской Германии имела своего рода предшественницу, в лице правящей политической элиты кайзеровского рейха, так называемых «Führungsgruppen». На процесс ее развития повлияли два фактора, связанные с процессом модернизации Германии в XIX в.: национальные рамки существования и условия доступа к власти, то есть проблема национального объединения и демократического преобразования общества.

Единое германское национальное государство возникло раньше, чем идея национального единства стала доминирующей в обществе. В данной ситуации государство взяло на себя роль катализатора объединительного процесса. Бисмарку, «отцу германского единства», понадобилось приложить много сил, чтобы победить центробежные силы и сделать немцев единой нацией. Германский рейх 1871 г., как и Северо-Германский союз, был основан как союз суверенных княжеств и свободных городов¹. Он имел подчеркнута федеративные основы и структуры, хотя это не исключало присутствие прусского гегемонизма. По точному замечанию Г.-У. Велера, в результате объединения в Германии установился «великопрусский и малогерманский комплекс господства»².

Политической заслугой Бисмарка являлось то, что при создании монархического федеративного государства он сумел встроить национальные движения в единое национальное государство и конституционно их обосновать. Внутри бисмаркского рейха преломилась унитарная идея, насколько она соответствовала целям национального движения и легитимным основам существовавшего политического порядка. В результате изменилась первоначальная структура. Заложенные при создании основы политической жизни и государственного развития превратили рейхстаг в представительный орган государственно единой нации, а императорскую власть – в национальную императорскую власть.

При политическом строительстве рейха оказались ослабленными позиции отдельных государств, которые исторически представляли собой политически обособленные образования. Чем дальше шел процесс развития рейха, тем меньшее значение имели династически монархические основы и легитимность отдельных государств. За 40 лет германский рейх перестроился изнутри. Федеративное государственное устрой-

¹ Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte / hrsg. von Ernst Rudolf Huber. Bd. 2. Stuttgart, Berlin, Köln. Deutsche Verfassungsdokumente. 1963. S. 290.

² Wehler, Hans-Ulrich, Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 1995. 4 Bde. Dritter Band. Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. 1849-1914. S. 848.

ство, имевшее монархически-династический характер, постепенно стало основой для формирования национально единого конституированного политического сообщества. В результате национальной однородности и демократической легитимности появились условия для существования унитарно-демократической тенденции³.

С национальной властью кайзера оказалась тесно связанной и власть прусского короля. Развитие пошло иначе, чем первоначально предполагал Бисмарк. Не имперская власть стала средством расширения власти прусской короны, а прусскую корону поставили на службу кайзеру. Ее собственные монархические легитимные основы поглощались национально-унитаристской властью кайзера. Аналогичным являлось положение рейхсканцлера, одновременно занимавшего пост прусского министра-президента, и прусской армии, в период войн являвшейся армией кайзера.

Особо следует сказать о роли армии и военных в процессе создания единого национального государства. «Три войны за объединение» (1864-1871 гг.) совершенно изменили общественный микроклимат в Германии. Престиж службы в армии достиг небывалой высоты. Современники считали, что офицерский корпус занимал «первое место в государстве», что он образовал элитарную касту в обществе. В армии оформилась публично признанная функциональная элита. Однако, милитаризация в начале 1870-х гг. отличалась от своего предшественника, прусского милитаризма, новым качеством: она распространилась на всю гражданскую жизнь, стала составной частью менталитета всего германского общества. Это дало повод Г.-У. Велеру назвать его «социалмилитаризмом».

Итак, идеи единства и демократии проникали в общество. Однако, говорить о совершенно оформленной германской нации на рубеже XIX-XX преждевременно, так как даже к моменту ухода Бисмарка с высших государственных постов многие группы немецкого общества продолжали чувствовать себя подданными одного из прежних немецких государств, в частности, прусского. Поэтому речь шла, скорее, о постепенно складывающейся нации. В 1914 г. Вильгельм II, объявляя о вступлении Германии в Первую мировую войну, выдвинул важный тезис: «Мы сегодня братья-немцы и только братья-немцы»⁴. Фактически провозглашалось, что нет сепаратистских тенденций, классовых, партийных и конфессиональных противоречий. Есть одно единое сообщество – немецкий народ, что получило первоначально название «Leistungsgemeinschaft» («общество успеха»), в дальнейшем – «Volksgemeinschaft» («народное сообщество»)». Национализм – вот что будет объединять в дальнейшем и массы, и элиту самого разного уровня.

Всякая нация, складывающаяся и формирующаяся в условиях модернизации, требует определенных условий развития, прежде всего, синхронизации социально-экономического и политического процессов модернизации. В Германии же все проблемы имперской политики лежали в основе структурной дилеммы, когда на одной стороне, происходило быстрое развитие индустриально-капиталистического, товарно-денежного общества, а на другой – существовала отсталая иерархия политической власти. То есть, как образно заметил либерал Фридрих Науманн, «промышленный народ оказался в политической одежде аграрного государства». Проблема демократизации всей жизни Германии являлась злободневной.

Во 2-й пол. XIX в. в Германии никто не оспаривал того факта, что конституционализм превратился в неопровержимый элемент политической действительности. Но конституции – и Пруссии, и рейха, разработанные высшей бюрократией, – были созданы так, что возможности представительной власти были сведены к минимуму. Германии устанавливалась конституционная монархия, но она, в отличие от западных стран, представляла собой государственную и правительственную форму. Возникло противоречие между формальным принципом и легитимными основами конституци-

³ Rauh S.M. Federalismus und Parlamentarismus im Wilhelminischen Reich. Dusseldorf, 1973.

⁴ Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges. Darmstadt, 1991. S. 49.

⁵ Например, Berg Manfred. Gustav Stresemann: eine politische Karriere zwischen Reich und Republik. Gottingen-Zurich, 1992. S. 113; История Германии. В 3-т. / Под общ. ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Т. 2. Кемерово, 2005. С. 206-233.

онной монархии. Тип конституционной монархии в Германии не соответствовал формальному принципу. Конституционная монархия в Германии стала связывающим звеном между монархией и народным суверенитетом, соединив с помощью компромисса в одно целое два принципа, не возвышая один над другим.

Это была национальная власть кайзера, который черпал свою силу через олицетворение в своем лице национального единства в рейхе. Кайзер опирался не на монархическую, а на национальную, как бы данную взаймы, и демократическую легитимность. Он был представительным органом и интегрирующим началом, наконец достигнутого варианта малогерманского варианта национального единства.

Что представляла собой социальная опора императорской власти? В первую очередь, – дворянство, которое по образному выражению исследователя середины XIX в. Юстуса Мёзера, было «телом нации»⁶. Основой дворянской жизни считалось юнкерское поместье. Наряду с землевладением составной частью дворянского мировоззрения была идея служения, а если точнее – военной службы, поэтому «милитаристская» составляющая являлась важной специфической особенностью прусского дворянства. Это не привилегия, это долг. Героическое мировоззрение начало бороться против меркантильного, когда пошел процесс бюрократизации административного управления.

«Германия – с тех пор как князь Бисмарк ушел в отставку, – управлялась чиновниками (в духовном смысле этого слова), так как Бисмарк не терпел рядом с собой политических мыслителей, – утверждал М. Вебер. – Как и прежде Германия сохраняет лучшую в мире военную и гражданскую бюрократию – по незапятнанности, образованности, добросовестности и уму»⁷. Развитый бюрократический аппарат позволил установиться «личному режиму» Вильгельма II, не допускавшему рядом с собой сильного правительства. С периода свержения Бисмарка, рейх знал только один тип правительства – правительства служащих (*Beamtenregierungen*), зависимого от кайзера.

Наряду с развитием «личного режима» Вильгельма II шло параллельное формирование рейха, который быстро и интенсивно превращался – на основе союзного конституционного строительства – в государство, имевшее собственную тенденцию развития, абстрактно-регламентированную, являвшуюся разновидностью неперсональной государственной формы. Это развитие и делало необходимым сильное политическое руководство как определенный противовес и элемент необходимой балансировки. Но «личный режим»⁸, с одной стороны, и управляемые, но не руководящие правительства, с другой стороны, привели к возросшему несоответствию между этими ожиданиями и политически-институциональной реальностью.

Институциональный дуализм законодательных и исполнительных структур подпитывал усиливающуюся разъединенность парламентской и чиновничьей карьеры. Подобное разграничение поддерживалось тем, что жизнеспособность исполнительной власти не зависела от парламентского большинства. Власть рейхстага, определенным образом, ограниченная и вынужденная оспаривать власть исполнительную, ассоциировалась с невысоким статусом парламентского руководства по сравнению с более высоким престижем верхушки гражданской администрации.

Если в 1-й пол. XIX в. в парламентах германских государств преобладали гражданские служащие, то в 1870-80-е гг. 48% депутатов рейхстага были землевладельцами и предприниматели, «специалистами по созданию и присвоению богатства».

С 1890 г. проявилась растущая политическая мобилизация населения, прежде всего рабочего класса, который послал своих функционеров в рейхстаг. Монархия смогла реализовать идею социального государства только в самом начале существования рейха при Бисмарке и молодом Вильгельме II. Социальная интеграция рабочих и их политиче-

⁶ Мусихин Г.И. Власть перед вызовом современности: сравнительный анализ российского и германского опыта конца XVIII – начала XIX веков. СПб, 2004. С. 187.

⁷ Вебер М. Политические работы (1895-1919) / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М., 2003. С. 148.

⁸ Rohl J.G.G. Wilhelm II. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie. 1888-1900. München, 2001.

ского представительства в государстве и обществе оказалась проблематичной⁹. После отмены «исключительного закона против социалистов» социал-демократы остались «*vaterlandlosen Gesellen*» («душами без отечества»). Несмотря на что, СДПГ с 1912 г. стала самой влиятельной партией в рейхстаге, социал-демократов расценивали как социально-политических аутсайдеров, замкнутых в собственной скорлупе¹⁰. До кризиса 1917 г. никто не думал устранить социальную и политическую дискриминацию рабочих через ликвидацию прусской трехклассной избирательной системы.

Среди «изгоев» общества, наряду с социал-демократами, были и католики. Борьба за власть в объединенной Германии, против сепаратистских тенденций, за свободу вероисповедания привели к образованию на юге государства своеобразного «католического гетто», к превращению католиков в людей «второго сорта». С начала 1890-х гг. бывшие «враги рейха» в лице Партии центра стали усиленно демонстрировали свою национальную «надежность»¹¹. Реакция государства была следующей: за период 1888-1914 гг. среди 90 государственных деятелей – на уровне рейхсканцлеров, статс-секретарей, прусских министров – только 9 человек являлись католиками.

Партия Центра и другие политических партии Германии принимали участие в парламентской практике, но политическая система не допускала их развития в прагматические организации, борющиеся за контроль над правительством. Лишенные ответственности за формирование правительства, партии использовали рейхстаг, прежде всего, как арену для провозглашения нереальных политических целей.

Первая мировая война привела к изменению конституционных рамок существовавшей политической системы. В то время, как Бисмарк не допускал вмешательства военных в главные политические решения, в «вильгельмовскую эру» однозначного подхода к этой проблеме не было. В годы Первой мировой войны политическое руководство и военные стали особенно сильно между собой конкурировать за власть. Вильгельм II допустил переход государственной власти к военным в лице ОХЛ (*Oberste Heeresleitung* – Верховное командование). Это знаменовало усиление их политических позиций в отношении гражданского населения¹². Когда руководителями ОХЛ стали «герои Таннеберга», генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург и первый генерал-квартирмейстер Эрих Людендорф, они неожиданно получили плебисцитарную легитимность, не неся при этом никакой политической ответственности.

Рейхстаг, всенародно избранный, не принимал участия в политическом руководстве рейха. Избранный еще в 1912 г. парламент не получил обновленной легитимности. Не удивительно, что именно в рейхстаге выросла оппозиция. Но в предпринятой попытке осуществить поворот в конституционных отношениях межфракционному комитету рейхстага не хватило единства и политической воли.

Диктатура ОХЛ отняла у кайзера все возрастающую политическую ответственность. Руководство ОХЛ первоначально было настроено антипарламентски, но когда летом 1918 г. все надежды на победу исчезли, произошел поворот во взглядах военных. Генеральный штаб перешел к парламентаризации правительства, чтобы сделать его ответственным за поражение в войне.

Ликвидация монархии в ноябре 1918 г. означала в национальной политической культуре Германии чудовищный перелом, выходящий далеко за рамки конституции. Для многих немцев исчезли духовно-политические основы единства всей общности. В условиях глубочайшего политического раскола пафос национальной идеологии нашел свое пристанище. В Германии отсутствовала сила, способная политически реинтегрировать единство нации. При данных обстоятельствах демократические силы взяли на

⁹ Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ: 1848-2002 / Отв. ред. Б.С. Орлов. М., 2003. С. 52-60.

¹⁰ Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социологические исследования. 1996. №4. С. 52.

¹¹ Lonne K.E. Politischer Katholizismus im 19 und 20 Jahrhundert. TB. Frankfurt am Main, 1984.

¹² Deutsche Verwaltungsgeschichte. Bd. 3. Das Deutsche Reich bis zum Ende der Monarchie / Hrsg. von Kurt G.A. Stuttgart, 1984. S. 875-876.

себя эту задачу, успешная реализация которой во многом зависела от новой политической элиты, на особенностях формирования которой сказалась специфика прежней элиты. В чем же она заключалась?

Правящая политическая элита кайзеровского рейха, развивавшаяся в условиях «особого пути» («Sonderweg»), не обладала общегосударственным национальным сознанием. Прусское происхождение предопределяло назначение на высшие государственные посты; сохранились предпосылки для существования сепаратистских тенденций земельных элит, особенно юга. По оценке германского исследователя Ф. Фишера, в состав элиты, или «Führungsgruppen», кайзеровского рейха входили «крупные помещики, промышленники, представители армии, образованной буржуазии, бюрократии и юстиции...». Дворянская элита в XIX в., представлявшая ядро правящей политической элиты, в первую очередь была ориентирована на происхождение, а не на принцип успеха. Поэтому самые влиятельные позиции в армии (элитарный офицерский корпус), на дипломатической службе и в политике (высшие государственные должности) были распределены среди представителей дворянского сословия.

В результате процесса индустриализации и демократизации общество с феодальными структурами все меньше ориентировалось на происхождение и все больше на достижение отдельных лиц, так как со специализацией выросли требования в профессиональной и трудовой деятельности. Формирование отдельных частей элиты происходило в результате растущей специализации человеческого труда. Оно являлось следствием бурно развивающейся индустриализации после объединения Германии. Возраставшие требования квалификации сделали невозможным занятие одним дворянством влиятельных позиций в общественной жизни. Появление элиты, ориентированной на успех, было поддержано и ускорено развитием философии Просвещения и демократизацией политической жизни. Оба данных процесса узаконили требование принципиального равноправия всех расходящихся интересов и ценностей, а также требование признания принципа меритократии (власть тех, кто ее заслужил, заслуга-власть) как основы для доступа к позициям элиты представителям различного социального, конфессионального, этнического происхождения.

Будущее Германии во многом зависело от того, какая ценность – на переломном этапе развития государства – станет определяющей в сознании германской элиты: нация или демократия?

CONDITIONS FOR DEVELOPMENT OF THE «FUHRUNGSGRUPPEN» IN KAISER GERMANY AS A SOURCE OF PECULIARITIES OF THE POLITICAL ELITE FORMATION IN WEIMAR GERMANY

T. V. YEVDOKIMOVA

*Volgograd State
Pedagogical University*

e-mail: eva_tan@mail.ru

The political elite in Weimar Germany included the representatives of traditional «Führungsgruppen» as well as those of the new one. The author states that the process of developing old «Führungsgruppen» is conditioned by the peculiarities of the genesis of the political elite in Weimar Germany. One of the factors influencing the development of those groups is predetermined by the peculiarities of the process of national unification of Germany and democratic transformations in the society.

Key words: Kaiser Germany, Weimar Germany, genesis of political elite, «Führungsgruppen».